

Звонкая пошлятина на граммофонной пластинке

На Тверской улице расположен музыкальный магазин „Коммунар“ № 67. Я захожу в этот магазин и подхожу к прилавку.

— Дайте мне пластинку № 18029 „Нет, нет, не хочу“.

— Пожалуйста!

Шаркнув, продавец с ловкостью жонглера перекручивает в руках пластинку, накладывает на заведенный граммофон.

Из рупора вырывается охрипший голос шансонетки:

„Нет, нет не хочу,
Никого не допущу...“

— Не нравится! — говорю я с видом капризного покупателя.

— Дайте другую — № 18053 „Ах, ты, Коля, Николай“.

— Разобрали, — элегантно отвечает приказчик, — но скоро будут.

Для меня достаточно этого ответа: „скоро будут“.

Выхожу на улицу. В голове звенят новые песни сегодняшнего дня. Я слышал хорошие песни, но их нет на граммофонной пластинке. Я не раз слышал прекрасные симфонии Бетховена, Шуберта, но на пластинке их не видел. У меня даже возникла мысль: зафиксировать на граммофонной пластинке „устав

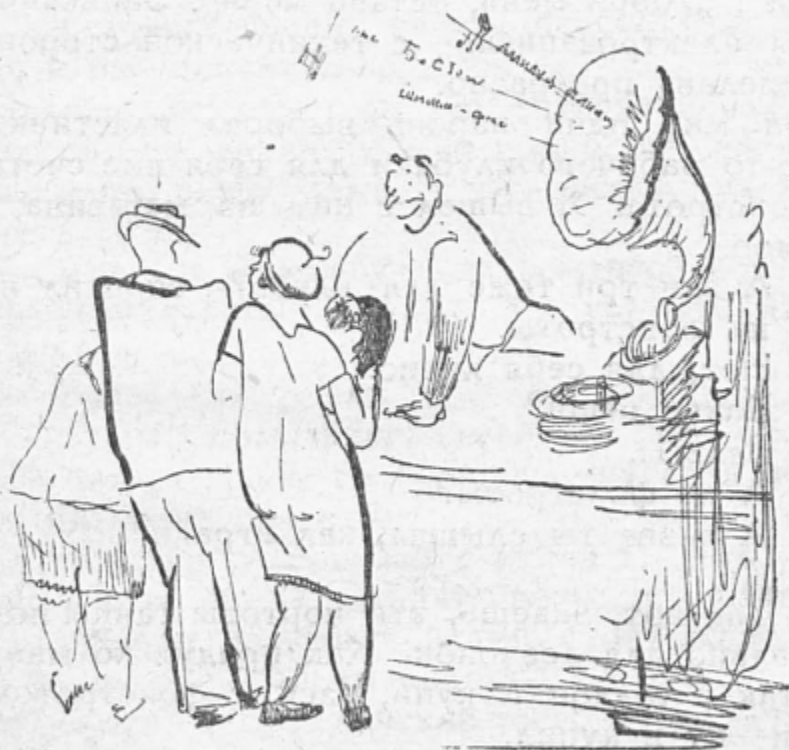
колхоза". А ведь, в самом деле, почему бы этого не сделать?

Направляюсь в музыкальное отделение магазина Мосторга на Воздвиженке.

— Из комического что-нибудь есть?

— Извольте: „Сцена в кинематографе“.

Я прислушался.

Молодой человек — „комик поневоле“ пересказывает какую-то кинокартину с влюбленными Донной Амандой и Доном Дюальго. Человек, причмокивая, „ударяет“ в рассказе на „чувствительные“ места.

Влюбленные под аккомпанемент рояля целуются. Когда „няня спит, как амфибия“, они уходят на лоно природы. Здесь рассказчик, понизив голос, громко расхохотался. Мне показалось, что это живой человек из треста Электрозпись смеется над собой.

Перевоорачиваю пластинку. „Торг у Сухаревой башни“. Я ожидал торговли, но ошибся. Предприимчивые граммофонщики придумали новый „торг“: кондуктор долго упрашивает даму слезть с подножки. Солидная „мадам“ слезает только после слов кондуктора: „Мадам, нравственно прошу вас...“

„Новейшие“ фокстроты здесь в полном ходу. „Эрика“, „Люби меня, оставь меня“. Записаны фокстроты электрозаписью, с технической стороны запись сделана прекрасно.

При мне один парень выбирал пластинки для какого-то рабочего клуба и для себя вне счета взял три фокстрота. Я вышел с ним из магазина, завел разговор.

— А эти три тоже для клуба?—спросил я, указывая на фокстроты.

— Нет, для себя лично.

— Какие вещи?

— Вальсы.

— А не фокстроты?

— А разве ты слышал, как играли?

— Да.

— Так вот, знаешь, эти чортовы танцы покупаю специально для девчонок. Как придут ко мне вечером, так и талдонят: купи, Вася, с фокстротом пластинки—ну и купил.

— А самому нравится тебе эта музыка?

— Как тебе сказать: и да и нет. Нет хороших вещей на пластинках, а есть старье—избитые вальсы.

У Петровки мы разошлись.

В музыкальном отделении магазина зудели минорные гавайские звуки. Я направился туда. У прилавка на 3 граммофонах покупатели „пробуют“ фокстроты. Берут их здесь дюжинами. Больше мещанской молодежи, но иногда и рабочий попадает на хитрую удочку продавца. Вот подходит толстая дама в го-

лубой фетровой шляпе с эмблемой на ленте: пронзенное срелой сердце. Она просит что-нибудь „из старого“.

— К вашим услугам!— „Разбитая любовь“:

„Так склони головку
Ты на грудь мою...“

Слегка охрипший голос шансонетки нравится даме, и она просит завернуть.

Заводят вторую, третью, четвертую... „Две кошечки“, „Очи черные“, „Не приходите вновь“ приходятся по вкусу даме, и она просит их тоже завернуть.

— А у вас что-нибудь из романсов есть?

— Пожалуйста! „Милая, ты услышь меня, под окном“.

— Заверните.

— Берите, граждане, „цыганские романсы“,— агитирует продавец, а то больше выпускать не будут.

И их берет нарасхват.

„Красавица“, „Завивайте кудри Польке“, „Мы на лодочке катались“—находят своего покупателя.

В очереди за фокстротами стоят три девицы. Они выбрали: „Забывать нельзя“, „Алилуйя“, „Гавайская мелодия“, „Английский танго“. Под звуки танго одна из них умиленно шептала песенку, распространненную среди мещанской молодежи.

Долго еще разливалась по Мосторгу нудная „гавайская музыка“, заманивая обывателя, а продавцы услужливо предлагали:

— Пожалуйста, фокстрот новейший!

— Возьмите мелодию—чудесная музыка!

— Последний танго—больше не выпускается!

Торговля эта похожа на Сухаревский рынок, где беззастенчиво предлагают все, лишь бы с рук сбыть.

Некоторые чудаки утверждают, что фокстрот—танец угнетенных негров. Но каких негров? Есть негры и в буржуазных кафе-шантанах, отелях и ресторанах; мы соглашаемся, что этот танец принадлежит таким „угнетенным“. И когда его хотят навязать нам, мы заявляем: откуда пришел фокстрот—там он пусть и останется, а пролетариату таким „искусством“ дурманить головы мы не позволим!

Надо заставить заговорить пластинку советским языком; слова и музыка найдутся в достаточном количестве. А Музтресту мы задаем вопрос: почему не выполняется постановление Главреперткома об изъятии граммофонных пластинок с обывательской пошлятиной и похабщиной?

Член рабочей бригады Главреперткома *А. Сальский.*
(ЗПМ № 4)

г. Москва.